

МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИИМК, ЛЕТО 1941 – ЗИМА 1941/42 гг.

© 2019 г. С.Г. Карпюк

*Институт всеобщей истории РАН, Москва;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва*

E-mail: oxlos@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.10.2018 г.

Автор на основании материалов из Архива РАН попытается представить деятельность МОИИМК в переломный период (лето 1941 – зима 1941/42 гг.), а также взаимоотношения московских археологов с ленинградским руководством института, для чего использованы документы из Архива РАН. В конце весны – начале лета 1941 г. сотрудниками Московского отделения ИИМК был поставлен вопрос о создании самостоятельного Института археологии и искусствоведения АН СССР. 11 июня 1941 г. на утреннем заседании Бюро Отделения истории и философии АН СССР разгорелись бурные дебаты; в них приняли участие и приехавший из Ленинграда директор ИИМК М.И. Артамонов, и московские археологи, среди которых ведущую роль играл С.П. Толстов. К началу 1942 г. Московское отделение ИИМК не только сохранилось как работоспособная единица, но и стало единственным активно действующим подразделением ИИМК. Этому в немалой степени способствовала инициатива оставшихся в осажденной Москве сотрудников, прежде всего В.Н. Чернецова. Важную роль сыграло участие московских археологов в государственных проектах по описанию разрушенных фашистами археологических памятников, а также памятников истории и культуры. Прерывающаяся связь с дирекцией института компенсировалась контактами с эвакуированным в Казань Президиумом АН СССР. “Конституирование” автономного Московского отделения ИИМК, о котором было объявлено на заседании Отделения истории и философии АН СССР 11 июня 1941 г., было отложено из-за военного времени, но фактически к 1942 г. МОИИМК работало в автономном режиме. В период ослабления государственного контроля над академической наукой “инициатива снизу” московских археологов оказалась вполне успешной.

Ключевые слова: история советской археологии, МОИИМК, С.П. Толстов, В.Н. Чернецов.

DOI: 10.31857/S086960630004827-8

История Института археологии / Института истории материальной культуры АН СССР изучена и описана достаточно подробно: краткое и емкое описание деятельности Московского отделения ГАИМК и ИИМК можно найти в изданиях Института археологии РАН (Гуляев, 2000. С. 3–7; Макаров, 2007. С. 6–13). В книге А.А. Формозова затрагивается деятельность московских археологов в предвоенные и военные годы (2006. С. 62, 63, 71–79). Деятельность ГАИМК и ИИМК в довоенные годы описана Г.В. Длужневской (2006. С. 347–371). Наибольшую значимость представляют работы Н.И. Платоновой, которая, основываясь на петербургских архивных материалах ИИМК и Ленинградского отделения ИИМК, дает полную и очень подробную картину существования и развития академических археологических учреждений Ленинграда и Москвы в

предвоенные, военные и послевоенные годы (Платонова, 1991; 1999; Платонова, Кирпичников, 2010). Тем не менее важно обратиться к московским архивным документам, позволяющим пролить свет на процесс “автономизации” МОГАИМК, который до сих пор связывается исключительно с военным временем; кроме того, рисуется неоправданно идиллическая картина взаимоотношений сотрудников МОИИМК и их ленинградского руководства в довоенные годы (Платонова, 1991. С. 46–48).

В настоящей статье рассмотрена деятельность МОИИМК в переломный период (лето 1941 – зима 1941/42 гг.), а также взаимоотношения московских археологов с ленинградским руководством института, для чего будут использованы стенограммы и протоколы заседаний академических учреждений, которые составлялись на основе стенографических

отчетов. Это — разносторонний, хотя и сравнительно редко привлекаемый специалистами по истории науки, источник, охватывающий самые разные стороны жизни ученых и выпукло характеризующий эпоху. Особый интерес представляет стенограмма утреннего заседания Бюро Отделения истории и философии АН СССР, которое состоялось незадолго до начала Великой Отечественной войны, 11 июня 1941 г., под председательством академика-секретаря А.М. Деборина (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17). Не меньшее значение имеют и документы военного времени (зимы 1941/42 гг.): переписка располагавшейся в осажденной Москве Комиссии по составлению “Летописи Отечественной войны” с эвакуированным в Казань руководством АН СССР (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19), а также бумаги уполномоченного АН СССР по оставшимся в Москве в 1941–1942 гг. академическим учреждениям С.М. Файланда (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1. Д. 30).

Стенограммы заседаний и другие документы, хранящиеся в Архиве РАН, позволяют детализировать картину и выявить некоторые важные моменты процесса перевода головного института из Ленинграда в Москву, который пришелся на военные годы. Толчок процессу был дан еще перед войной. К тому времени ИИМК был крупным научным учреждением: на 1 декабря 1939 г. в штате института в Ленинграде и Москве насчитывалось 135 сотрудников, предполагаемая численность на январь 1940 г. — 143 человека. Для сравнения: численность крупнейшего института Отделения истории и философии — Института истории — на 1 декабря 1939 г. составляла 194 человека, к январю 1940 г. предполагалось увеличение до 204 сотрудников (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1940. Д. 44. Л. 7). Соответственно в 1939 г. было выделено 953 100 руб. только на зарплату штатным и нештатным сотрудникам ИИМК, на 1940 г. планировалось выделить 1 018 400 руб. (соответствующие цифры для Института истории АН СССР составляли 1 632 500 и 1 817 600 руб.) (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1940. Д. 44. Л. 42 = Л. 43). Значительные средства расходовались и на полевые работы: только заявка на оборудование для экспедиций от 9 июня 1940 г. оценивалась в 56 710 руб. (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1940. Д. 44. Л. 23). По численности научных сотрудников ленинградская часть института превосходила московскую почти в 3 раза: на конец 1940 г. в головной части ИИМК в Ленинграде работало 59,

в МОИИМК — 21 научный сотрудник (Платонова, 1991. С. 47), осенью 1941 г. в штате МОИИМК состояло 22 научных сотрудника (Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 37. Л. 42).

В конце весны — начале лета 1941 г. сотрудниками Московского отделения ИИМК был поставлен вопрос о воссоздании самостоятельного Института археологии и искусствоведения (упраздненного в 1931 г.) в системе АН СССР (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 48). “Эта докладная записка о создании отдельного института подписана всеми основными работниками МОИИМК’а — всеми без исключения”, — так утверждал известный археолог профессор А.В. Арциховский (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 39). 11 июня 1941 г., на утреннем заседании Бюро Отделения истории и философии АН СССР, которое проходило под председательством академика-секретаря А.М. Деборина, разгорелись бурные дебаты; в них приняли участие и приехавший из Ленинграда директор ИИМК М.И. Артамонов, и московские археологи, среди которых ведущую роль играл заведующий Московским отделением С.П. Толстов (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17).

Вопрос о правах Московского отделения ИИМКа был не нов и уходил корнями во времена существования ГАИМК (Формозов, 2006. С. 62, 63, 71, 72). Уже после перехода в систему академии во время заседания Совета Отделения общественных наук АН СССР 3 октября 1937 г. тогдашний директор ИИМК академик И.А. Орбели поднимал вопрос о взаимоотношениях головного института и расположенного в другом городе отделения и спрашивал у своего коллеги Н.М. Лукина, директора московского Института истории: “...Как в дальнейшем будут урегулированы взаимоотношения Института и его ленинградского отделения, по какой схеме будет идти взаимосвязь?” (Архив РАН. Ф. 394. Оп. 7. Д. 12. Л. 42). В ответ на вопрос И.А. Орбели, которого интересовало, как поступать с московским отделением ИИМК, Н.М. Лукин пояснил, что бюджет с ленинградским отделением единый, но в Ленинграде есть распорядитель кредитов (Архив РАН. Ф. 394. Оп. 7. Д. 12. Л. 42 об.).

Вопрос о Московском отделении ИИМК застал М.И. Артамонова врасплох, тем более что за полгода до этого, 11 января 1941 г., на заседании бюро Отделения истории и философии в Ленинграде возглавляемый им институт

получил высокую оценку (Платонова, 1991. С. 48):

Деборин. На повестке у нас стоит вопрос о работе Московского отделения Института истории материальной культуры им. Марра. Кто будет докладывать?

Артамонов. Для меня несколько неожиданна такая постановка вопроса. Поэтому я доклада о работе Московского отделения нашего института не готовил” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 1).

Зато доклад подготовил руководивший Московским отделением С.П. Толстов (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 1–22а), чье выступление было и эмоциональным, и достаточно аргументированным:

Толстов. ...Четыре года тому назад, когда Московское отделение ГАИМК было включено в Академию наук, статус Московского отделения был резким образом изменен. До этого Московское отделение ГАИМКа являлось самостоятельным учреждением, объединяемым с Институтом истории материальной культуры единством плана и общим руководством. Но во всех своих оперативных внутренних задачах оно пользовалось достаточным простором для самостоятельной работы. А с момента перехода в систему Академии наук сразу все элементы самостоятельности были ликвидированы. Он фактически превратился в группу проживающих в Москве сотрудников Института истории материальной культуры, не имевшую тогда даже официального возглавляющего лица... Сотрудники были непосредственно подчинены секторам Института... [л. 1–2] Хотя принципиально этот вопрос [о конституировании Московского отделения] был решен, и со стороны Института в этом отношении наш запрос нашел полную поддержку, но фактическое разрешение даже этой элементарной стороны дела растянулось на два с лишним года, и только в начале прошлого [1940] года Московское отделение было конституировано как известная административная единица, но это конституирование не было проведено до конца. [л. 3]

Их [сотрудников МОИИМК] обязанности выражаются в том, чтобы подготовить рукопись и послать ее в Ленинград на редакцию, на утверждение, на обсуждение и издание. Ни в обсуждении этой рукописи, ни в редактировании этих рукописей работники московского коллектива участия не принимают совсем...

[л. 7] Надо сказать, что МОИИМК вообще не знает о работе Института истории материальной культуры, потому что Институт не отдает себе отчета в важности совместного обсуждения работ Института с Московским отделением. [л. 11] ...Фактически мы оказались в положении издательских договорников, а не органических работников Института, участвующих в творческой работе коллектива; в качестве литературных работников, выполняющих отдельные задания, поступающие из Ленинграда, и затем, собственно говоря, уже не имеющих особенного права интересоваться тем, что будет с их работами, и какие работы будут окружать данную работу в том издании, которое последует в конце концов” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 1–12).

И С.П. Толстов, и его коллеги (А.В. Арциховский, П.Н. Бадер) привели многочисленные примеры некорректного отношения и придинок к московским сотрудникам ИИМК: присланный в Ленинград материал П.Н. Бадера оказался использованным в статье Землякова; редактирование в Ленинграде статьи А.В. Арциховского для “Истории русской культуры” превратилось в соавторство, “хотя эти соавторы внесли самые обычные редакционные дополнения” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 9). Но главной проблемой был “вопрос научно-исследовательского планирования”, а точнее, полное отстранение от него московских археологов. Подобное положение и привело к единогласному мнению сотрудников МОИИМК о желательности отделения от ИИМК:

Толстов. В процессе нашей повседневной работы создавались бесконечные трудности. Это побудило наш коллектив, целую группу работников, войти в Бюро Отделения с письмом, в котором мы вкратце изложили положение таким, как оно есть. Поставили вопрос о том, что нет никакого смысла в сохранении связи между Институтом истории материальной культуры в Ленинграде и Московским отделением. Московское отделение является достаточно крупным по количеству и качеству входящих в него работников, ничуть не уступающим значению большого института Академии наук. А угроза параллелизма может быть легко снята планированием в пределах Отделения истории и философии.

Московское отделение представляет собой археологическую школу; вместе с тем оно может получить и несколько иной профиль,

который сам собой напрашивается, это развитие в Московском отделении искусствоведства. Мы имеем в своем составе небольшое количество искусствоведов. Московское отделение превращается в научно-исследовательский институт, могло бы быть Институтом археологии, который, безусловно, оправдал бы свое существование в системе Академии наук. Мы ничем не можем оправдать дальнейшее сохранение существующего положения, если исходить из существа дела, из интересов самой работы.

Таким образом, подытоживая опыт предыдущих лет, мы пришли к выводу, что необходимо вопрос поставить так, как он ставится сейчас. Конечно, это дело Отделения [речь идет об Отделении истории и философии АН СССР. — С.К.], можно решить вопрос так или иначе. Но совершенно ясно, что существующее положение дальше нетерпимо. Я думаю, что в дальнейшем дача в той или иной мере Отделению [речь идет о МОИИМК. — С.К.] определенной конституции позволила бы ему работать, отвечая полностью за свою работу. Вопрос этот неотложный и решать его надо сейчас” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 21–22а).

Выступавший после директор ИИМК М.И. Артамонов (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 22а–36) констатировал, что ему “приходится выступать уже не в качестве докладчика, а в качестве ответчика” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 22а). М.И. Артамонов вполне резонно указал на финансовые трудности всего института как на главную причину недофинансирования МОИИМК (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 22а–28) и пожаловался на грубость со стороны С.П. Толстова:

“Я все-таки привык к вежливым формам общения. На меня всегда нехорошо действует, хотя, как будто бы, и не должно было действовать, грубое отношение со стороны Московского отделения. Московское отделение, и в частности Сергей Павлович, посылает в грубейшей форме сформулированные ультиматумы вместо письма, даже канцелярское отношение и то было бы лучше, чем те ультиматумы, которые вы, Сергей Павлович, считали для себя возможным посылать Институту” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 34–34а).

Однако у московских археологов “наболело”, и они готовы были на любое решение

проблемы, лишь бы обеспечить хотя бы некоторую автономию. Предлагалось преобразовать МОИИМК в отдел археологии в Институте истории: взаимоотношения с историками были нормальными; статьи ведущих московских археологов постоянно печатались в те годы в журнале “Вестник древней истории”¹, который с 1940 г. стал органом Института истории АН СССР:

“*Арциховский*. Пусть создание отдельного института сейчас нереально, но хотя бы автономное отделение с известными правами, с тем, чтобы не было такой мелочной опеки, чтобы не нужно было за каждой мелочью обращаться в Ленинград и ждать ответа. Это вредно отражается на работе.

Задумываясь над выходом из создавшегося положения в общих интересах — и в интересах Института, и в интересах МОИИМК’а, сотрудники МОИИМК’а приходят к убеждению, что лучшим выходом — лучшим, несомненно, чем существующее положение, было бы, если бы создать не Институт, не автономное отделение, а создать сектор археологии при Институте истории Академии наук. Это и по другим причинам для нас заманчиво. С историками мы работаем над общими томами “Истории СССР”, “Всемирной истории”, “Истории культуры” — тут очень много общих научных интересов. Такой выход, мне кажется, тоже Отделение истории и философии должно иметь в виду” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 39–40).

Московские археологи рассчитывали на зачисление в штат МОИИМК вернувшегося в Москву историка искусства Б.Р. Виппера, сына знаменитого историка Р.Ю. Виппера, а ленинградское руководство ИИМК всячески тормозило этот процесс:

“*Толстов*. ...Хотя имеется постановление Президиума Академии наук о зачислении Виппера в штат сотрудников Московского отделения ИИМК’а, и мы должны уже сейчас платить ему заработную плату, на нашу

¹ В 1937–1941 гг. в “Вестнике древней истории” были опубликованы десятки статей и материалов археологов, причем не только археологов-античников. Среди авторов первого номера ВДИ (1937, № 1): А.Я. Брюсов, В.Н. Худатов, В.Ф. Гайдукевич, С.В. Киселев; второго номера (1938, № 1): С.П. Толстов, С.В. Киселев, А.П. Окладников, Т.С. Пассек; последнего предвоенного номера (1941, № 1): С.В. Киселев, С.П. Толстов, С.А. Ершов, Т.С. Пассек, В.Д. Блаватский и т.д. См. Указатель, 2012. С. 5–18.

просьбу немедленно провести его приказом по Институту мы получили запрос относительно тех или других дополнительных материалов, и в результате по мотивам субординации мы до сих пор не имеем приказа, чтобы иметь возможность заплатить Випперу жалованье” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 18–20).

В начале 1941 г. Р.Ю. Виппер по приглашению Советского правительства (очевидно, по распоряжению Сталина) переехал из Риги в Москву, которую, по его словам, никогда не забывал, считая себя в Латвии “временным жильцом”. Возвращение знаменитого ученого в Москву было поистине триумфальным; его публичная лекция о путях перехода Римской республики в империю в Коммунистической аудитории Московского университета собрала огромную аудиторию, около тысячи человек. Докладчика встречали стоя, овацией, несколько минут не смолкали аплодисменты (Голубцова, 2000. С. 11). И ученое сообщество, и студенческая молодежь не могли не рассматривать возвращение историка как знак окончательного возвращения “традиционной истории”. Достойное трудоустройство сына (работавшего в начале 1920-х годов как раз в Институте археологии и искусствознания), безусловно, рассматривалось негласно как часть “пакетного соглашения”, и руководство АН СССР его стремилось выполнить. Было очевидно, что привлечение в МОИИМК Б.Р. Виппера, талантливого и авторитетного историка западноевропейского искусства, будет способствовать и росту значения, и возможно преобразованию отделения в самостоятельный Институт археологии и искусствознания. Поэтому М.И. Артамонов, как мог, противостоял этому решению Президиума АН СССР, но, очевидно, не встретил понимания:

“*Артамонов.* Как будто бы право назначать сотрудников в Институт принадлежит директору – и больше никому, и я считаю назначение Виппера грубым нарушением единоначалия, грубейшим нарушением моих прав, а вам никто не давал права зачислять Виппера на работу в Институт или отчислять кого-либо. Вы не имеете этого права” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 35–36).

“*Войтинский*². Я не вижу никакого нарушения единоначалия в связи с назначением на работу в МОИИМК тов. Виппера. В Академии

наук, Михаил Илларионович, как и всюду, диалектический [sic!] централизм является методом нашего руководства. Высшая инстанция – Президиум Академии наук – считала целесообразным назначение Виппера на работу в МОИИМК, поэтому это и было сделано... Сергей Павлович [Толстов] был действительно поставлен в нелепое положение. С одной стороны, есть постановление Президиума, которое он должен выполнить, а с другой стороны, вы, непосредственный начальник, не разрешаете ему это” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 45–46).

В целом, однако, обсуждение в Отделении истории и философии АН СССР было направлено, скорее, на поиск компромиссного решения, удовлетворявшего обе стороны, что было отражено в выступлении Г.Н. Войтинского: “Я считаю, что Московскому отделению, где имеется определенное количество научных работников весьма определенной квалификации, надо дать возможность и право самостоятельно работать над той частью плана, которая этому Отделению поручается” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 42).

Г.Н. Войтинский предложил также создать в МОИИМК ученый совет по защите кандидатских диссертаций (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 44–45):

“*Войтинский.* Если выправить эти недочеты, которые я считаю существенными, тогда, конечно, работа Отделения будет идти нормально в системе Института истории материальной культуры. Нам нет необходимости создавать какие-то параллельные научно-исследовательские учреждения...

“*Удальцов*³. Мы [Институт истории] пошли в данном случае по тому пути, который предлагает тов. Войтинский. Наше Ленинградское отделение имеет больше автономии, чем Московское отделение в системе Института истории материальной культуры. Во главе отделения нашего Института стоит директор, там есть ученый совет, который рассматривает научные вопросы, касающиеся отделения, он также принимает к защите диссертации, в данном случае кандидатские, которые посылаются на утверждение центрального ученого совета. Точно так же обстоит дело и в отношении бюджета. Имеется отдельный бюджет, который утверждается... Лучше сохранить

² Г.Н. Войтинский (1893–1953) – советский ученый, специалист по рабочему движению в Китае.

³ Академик А.Д. Удальцов (1883–1958), впоследствии возглавлял ИИМК (1947–1955 гг.).

единый институт, но при большей автономности, что даст большую оперативность для работы на месте и значительно облегчит работу самого центрального руководства” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 45–46а).

По предложению А.М. Деборина было принято решение “поручить маленькой комиссии из трех лиц разработать такой статут и представить на утверждение в Бюро отделения”. В комиссию вошли М.И. Артамонов, С.П. Толстов, Г.Н. Войтинский (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 17. Л. 56). Исходя из высказанных точек зрения членов комиссии, вырисовывалось компромиссное решение: конститутирование Московского отделения ИИМК как автономной организации (при подчинении центру в Ленинграде), с собственным руководством, ученым советом и бюджетом. Это соответствовало и политике руководства АН СССР, стремившегося ограничить рост числа организаций, и в какой-то мере удовлетворяло требования стремившихся к автономии сотрудников МОИИМК.

Принятию этого решения летом или осенью 1941 г. Отделением истории и философии АН СССР помешало начало войны. Война нанесла советской археологии огромный урон. Переписка московских археологов с руководством института в Ленинграде продолжалась вплоть до октября 1941 г., после чего оторванность московских археологов от ленинградского руководства ИИМК стала очевидной (Платонова, 1991 С. 52). Эвакуация ИИМК как целостного учреждения из осажденного города сорвалась, в результате ленинградская часть ИИМК оказалась разобщенной: эвакуированные сотрудники оказались в разных местах (в Казани, Елабуге, Ташкенте). Значительная часть сотрудников эвакуироваться так и не смогла: так, академик С.А. Жебелев пережил бомбардировку аэродрома, куда его доставили для эвакуации, отказался от дальнейших попыток уехать из Ленинграда и умер в конце декабря 1941 г. (Карпюк, Кулишова, 2018. С. 99, 100). Большинство ленинградских археологов остались в осажденном городе; их героизм и лишения описаны коллегами (Платонова, 1991. С. 55–64; Платонова, Кирпичников, 2010. С. 37–39).

В Москве централизованная эвакуация гуманитарных институтов АН СССР началась сравнительно поздно, в октябре 1941 г., причем в МОИИМК она была проведена удивительно бездарно: в выделенном вагоне в Ташкент

выехали только назначенный временный руководитель отделения А.В. Збруева и бухгалтер Л.И. Эсаулов, с ними “в Ташкент было отправлено 5 ящиков книг и 2 фотоаппарата, малый денежный ящик, 1 пишущая машинка” (Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 37. Л. 43). Самым ценным предметом, увезенным в Ташкент, оказалась печать МОИИМК (Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 37. Л. 43). И.о. заведующего МОИИМК А.В. Збруева подписала список сотрудников, “остающихся для охраны коллекций”, причем состоял он из двух фамилий: Горюнова Е.И., старший научный сотрудник, и Чернецов В.Н., младший научный сотрудник (Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 30. Л. 38).

Часть сотрудников МОИИМК воевали на фронте и в народном ополчении, часть уволились, чтобы эвакуироваться с МГУ или с другими организациями, но пять научных сотрудников, как пишет Н.И. Платонова, “упрямо сидели в Москве” (1991. С. 52). Документ из Архива РАН характеризует ситуацию более точно (план работ на 1942 г., подписанный В.Н. Чернецовым и Т.С. Пассек в конце декабря 1941 г. либо в начале января 1942 г.): “Из 22 утвержденных научных сотрудников и аппарата МОИИМК на сегодняшний день находятся: а) в Москве исполняющие плановую работу 10 человек (уполномоченный В.Н. Чернецов, ученый секретарь Т.С. Пассек, доктор В.А. Городцов, старшие научные сотрудники Горюнова Е.И., Киселев С.В., Тараканова С.А. [дописано ручкой: старший научный сотрудник А.П. Смирнов, старший научный сотрудник В.Д. Блаватский], машинистка-секретарь Александрова А.А. и лабораторный служитель Тихонова Е.М.; б) ополченцы — 7 чел., в) в армии — 3 чел.; г) выехали с эшелоном Академии наук в Ташкент 2 чел. (и.о. заведующего Збруева А.В. и бухгалтер Эсаулов Л.И.); д) переведены по месту совместительства — 1 чел. — зав. секцией агрикультуры Бурский М.И. по Совинформбюро в г. Куйбышев; е) выехал с семьей Виппер Б.Р. с Академией наук в Среднюю Азию; ж) выехал по работе в комиссии академика Келлера — 1 чел. — сотрудник секции агрикультуры Никишин И.И. [дописано ручкой: После демобилизации с 20/1 42 г. В Ташкенте находится зав. МОИИМК С.П. Толстов].

Таким образом, в Москве находится основная группа работников МОИИМК, в Ташкенте же 2 научных сотрудника.

Помещение Института в Москве сохранено полностью, равно как и научное оборудование и библиотека...» (Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 37. Л. 42, 43).

Вероятно, “явочным порядком” уполномоченным по МОИИМК (т. е. оставшимся за главного) стал энергичный и опытный этнограф и археолог В.Н. Чернецов⁴, младший научный сотрудник, получивший многолетний экспедиционный опыт на Русском Севере; на месте оставалась и ученый секретарь Т.С. Пассек. В результате вернули на работу машинистку, курьера, библиотекаря (Платонова, 1991. С. 52, 53). Парадоксальным образом плохо организованная эвакуация способствовала формированию инициативного “московского ядра ИИМК”, остававшегося сравнительно дееспособным на фоне находившихся в осажденном Ленинграде и разбросанных по стране коллег.

Главным был вопрос “что делать?”. Для оставшихся без руководства и фронта работ московских археологов важную роль сыграло участие в “комиссии Минца”. Член-корреспондент АН СССР И.И. Минц организовал в прифронтовой Москве Комиссию по истории Великой Отечественной войны; к нему и “прибыли” в тяжелое осадное время московские археологи. Сохранилась переписка И.И. Минца и В.Н. Чернецова по этому поводу с академиком-секретарем Отделения истории и философии АН СССР академиком А.М. Дебориным (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19).

Самый ранний документ этого комплекса – протокол № 1 «Заседания комиссии по изданию “Летописи Отечественной войны (оборона Москвы)”» от 11 декабря 1941 г. (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 7). 18 декабря в Казань в комиссию Президиума АН СССР по рассмотрению штатов было отправлено письмо И.И. Минца о том, что Комиссия по составлению “Летописи Отечественной войны” (“Оборона Москвы”) поддерживает включение в план МОИИМК на 1942 г. “оборонных” тем (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 6). Письмо директору ИИМК М.И. Артамонову,

⁴ Н.И. Платонова (1991. С. 52, 53) упоминает об этом с некоторым неодобрением; в действительности, это поразительный пример инициативы снизу, когда имевший жизненный и организационный опыт младший научный сотрудник взвалил на себя нелегкую ношу руководства учреждением в осажденном городе (очевидно, с полного согласия “старшего в иерархии” ученого секретаря Т.С. Пассек).

где говорится о работе Е. Горюновой, Т. Пассек, С. Киселева и В. Чернецова над “Летописью обороны Москвы”, датировано 18 декабря 1941 г. (Платонова, 1991. С. 53, 54).

Вслед за этим 19 декабря 1941 г. последовала телеграмма московских археологов, в которой они просили Президиум АН СССР утвердить бригаду сотрудников МОИИМК по “Летописи Отечественной войны” (“Оборона Москвы”): Срочная Казань Президиум Академии Наук Деборину – Приступлено работе специальному археологическому заданию Комиссии московской летописи Отечественной войны руководством Минца Утвердите эту работу московской бригады ИИМК сорок второй год составе Чернецов Горюнова Киселев Пассек Уполномоченный Чернецов (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 1–2).

За телеграммой последовало письмо А.М. Деборину, подписанное В.Н. Чернецовым и Т.С. Пассек от 21 декабря 1941 г., в котором сообщили о посылке тематического плана работ на 1942 г. Московское отделение оставалось в своем прежнем помещении; внизу страницы был указан довоенный адрес: “Москва, 12, Б. Черкасский пер. д. 4. Московское Отделение Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра Академии наук СССР” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 12–13). В Казань академическому руководству была послана также смета расходов на 1942 г. на 90 369 руб. 54 коп., подписанная В.Н. Чернецовым, а также дополнительная смета на 27 900 руб. на заработную плату для оставшихся в Москве научных сотрудников МОИИМК В.А. Городцова, П.А. Дмитриева (в народном ополчении), Е.И. Крупнова (в народном ополчении) и лаборанта А.В. Никитина (в народном ополчении) (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 14–16). Полный список научных сотрудников МОИИМК на 1 января 1942 г. сохранился в бумагах С.М. Файланда: Городцов В.А., Горюнова Е.И., Блаватский В.Д., Киселев С.В., Пассек Т.С., Смирнов А.П., Тараканова С.А., Чернецов В.Н. (Архив РАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 30. Л. 37).

В письме в комиссию “Московской летописи Отечественной войны советского народа” профессору И.И. Минцу (копия была направлена академику А.М. Деборину в Казань) был отправлен тематический план работ на 1942 г., которые московские археологи готовы были выполнять в прифронтовой Москве и ее окрестностях: «Московское Отделение

Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра в ноябре 1941 г. включилось в работу по составлению “Московской летописи Отечественной войны советского народа”. Составлялась хроника событий в области культуры, науки, обороны Москвы и специальный раздел приветствий и обращений к Москве и москвичам в дни героической обороны столицы. Кроме того, сотрудниками МОИИМК начаты предварительные археологические обследования древних культурных напластований, обнаруженных при строительстве оборонительных сооружений Москвы. В связи с этим уже собран некоторый материал...

IV. ...Участие сотрудников МОИИМК’а (все они имеют долголетний музейный стаж) в возобновлении работы “Музея города Москвы”...

VI. Археологическое изучение древних памятников на территории Москвы в связи с земляными оборонительными работами и собирание древних предметов, найденных при этих работах.

Это изучение позволит обнаружить и сохранить для науки (как и аналогичные мероприятия на крупных строительствах, например, Москва–Волга, Метро и пр.) важнейший материал по истории столицы Советского Союза. Этим будет положено начало систематическому археологическому обследованию, которое будет произведено, понятно, уже по окончании военных действий. Результаты послужат основой для составления специального труда.

Для выполнения всех перечисленных работ МОИИМК выделяет группу штатных сотрудников...⁵ В заключение предлагаем использовать для работы по сбору прифронтовых материалов ополченцев – сотрудников соответствующих институтов АН СССР. В частности, по МОИИМК большую помощь могут оказать профессор А.И. Смирнов, ныне завклубом строительного батальона под Подольском, и старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, ныне младший сержант Е.И. Крупнов и ряд других военнослужащих – бывших научных работников.

Уполномоченный МОИИМК и Института истории АН СССР [подпись] В. Чернецов
Ученый секретарь МОИИМК [подпись] Т. Пасек».

[без даты, вероятно, 22 декабря 1941 г.]

(Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 9–11).

Сохранились также письма В.Н. Чернецова И.И. Минцу. В числе сотрудников комиссии упоминались С.В. Киселев и Т.С. Пасек (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 9–13). Были расписаны штаты, сметы, в частности, на сотрудников МОИИМК Городцова, Дмитриева, Крупнова, Никитина (последние три находились в народном ополчении) (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 14–16). А.М. Деборин в письме И.И. Минцу от 15 января 1942 г. одобрил привлечение археологов для работы в комиссии, хотя и выразил некоторые сомнения: “Можно было бы немедленно приступить к сбору материалов для составления специального труда, посвященного зверствам германских фашистов и проявлениям вандализма, выражающегося в уничтожении культурных памятников нашей страны... Я одобряю привлечение сотрудников МОИИМК к работе по истории Отечественной Войны. Но у меня нет уверенности, что именно эти работники являются наиболее подходящими” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 18).

Был создан Институт истории Отечественной войны под руководством И.И. Минца со штатом 33 человека и фондом заработной платы 21 015 руб., с которым сотрудничали московские археологи (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 19). При этом академик А.М. Деборин 19 января 1942 г. отказал В.Н. Чернецову, руководителю Московской группы МОИИМК, в отдельном финансировании и предложил включить часть сотрудников МОИИМК в состав Института истории Отечественной войны (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 21). Об этом же он писал И.И. Минцу 20 января: “Прошу выяснить вопрос о возможности перевода в состав будущего Института истории Отечественной войны тех сотрудников МОИИМК, которые привлечены или могут быть привлечены Вами к работе по истории Отечественной войны”. Из рукописной приписки к документу можно сделать вывод о важности вопроса о МОИИМК, требующего дополнительных согласований: “Вопрос о МОИИМК’е в целом прошу согласовать с акад. М.Б. Митиным и уполномоченным Президиума тов. С.М. Файландом” (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 20).

Из писем М.И. Артамонову следует, что “через некоторое время московская группа

⁵ Далее перечислены: Е.И. Горюнова, С.В. Киселев, Т.С. Пасек, С.А. Тараканова, В.Н. Чернецов.

сумела открыть собственный счет в банке, добилась перевода всех кредитов МОИИМК и наладила регулярную выплату зарплаты сотрудникам, минуя Ташкент”. Сотрудники выезжали на задания в Истру, Волоколамск, Ярополец, Иосифо-Волоцкий монастырь, Можайск, Бородино (Платонова, 1991. С. 53). Сотрудники МОИИМК (В.Д. Блаватский, А.П. Смирнов, С.В. Киселев, Т.С. Пассек, В.Н. Чернецов, С.А. Тараканова) читали публичные лекции для солдат и офицеров Красной Армии (АРАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 37. Л. 56). Часто проводились научные заседания (совместно с ГИМ и Академией архитектуры): например, в феврале 1942 г. заседания были назначены на 2, 4, 6, 14, 19, 26 февраля (АРАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 37. Л. 57–58). Наконец, московские сотрудники пытались вернуть в Москву “застрававшего” в Ташкенте после демобилизации С.П. Толстова (АРАН. Ф. 464. Оп. 1. Д. 32. Л. 6), добились постановления Президиума АН СССР о вызове для руководства ими директора ИИМК М.И. Артамонова в Москву (Платонова, 1991. С. 55). Впрочем, С.П. Толстов не смог, а М.И. Артамонов не захотел приехать в Москву.

Московские археологи выполнили огромную работу по документированию состояния памятников архитектуры и объектов культурного наследия, разрушенных немецко-фашистскими захватчиками. К этой работе позже пытались подключиться и ленинградские историки: сохранилось письмо М.В. Левченко, который возглавлял казанскую группу Ленинградского отделения Института истории, Г.Ф. Александрову о привлечении сотрудников ЛОИИ к этому проекту (Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1-1941. Д. 19. Л. 22–22 об.). Однако сведений об участии ленинградских историков в проекте не сохранилось.

Московские археологи пытались привлечь эвакуированного в Казань М.И. Артамонова в Москву для руководства отделением. Чувствовавший ответственность за оставшихся в блокадном Ленинграде и эвакуированных сотрудников института директор ИИМК отказался от этого предложения. В Московском отделении стал работать демобилизованный из армии по ранению ленинградский археолог Н.Н. Воронин, что довело число действующих сотрудников отделения до девяти (Платонова, 1991. С. 54, 55; Платонова, Кирпичников, 2010. С. 38).

К началу 1942 г. Московское отделение ИИМК не только сохранилось как работоспособная

единица, но и стало единственным активно действующим подразделением ИИМК. Этому в немалой степени способствовала инициатива оставшихся в осажденной Москве сотрудников, прежде всего В.Н. Чернецова. Важную роль сыграло участие московских археологов в государственных проектах по описанию разрушенных фашистами археологических памятников, а также памятников истории и культуры. Прерывающаяся связь с дирекцией института компенсировалась контактами с эвакуированным в Казань Президиумом АН СССР. “Конституирование” автономного Московского отделения ИИМК энергично и аргументированно отстаивали С.П. Толстов и его коллеги на заседании Отделения истории и философии АН СССР 11 июня 1941 г. Решение об этом было принято, но отложено из-за военного времени фактически зимой 1941/42 гг. МОИИМК работало в автономном режиме. В период ослабления государственного контроля над академической наукой “инициатива снизу” московских археологов оказалась вполне успешной.

Статья написана при поддержке проекта РНФ № 18-18-00367 “Всеобщая история в системе советской науки, культуры и образования в 1917–1947 гг.”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афиани В.Ю., Осипова Н.М.* Академия наук СССР в первые месяцы войны // Исторические записки. 2010. Вып. 13 (131). М.: Наука, 2010. С. 3–27.
- Голубцова Е.С.* Роберт Юрьевич Виппер (1859–1954) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильская. Москва; Иерусалим: Гешарим, 2000. С. 7–15.
- Гуляев В.И.* Введение // Институт археологии: история и современность. Сборник научных биографий / Отв. ред. В.И. Гуляев. М., 2000. С. 3–20.
- Длужневская Г.В.* Деятельность Российской – Государственной академии истории материальной культуры – Института истории материальной культуры АН СССР в 1919–1940 гг. // От Древней Руси до современной России: сборник научных статей в честь 60-летия А.Я. Дегтярева / Отв. ред. А.О. Бороноев и др. СПб.: Русская коллекция, 2006. С. 347–371.
- Карпюк С.Г., Кулишова О.В.* Академик С.А. Желелев, последние годы: стенограмма заседания академических институтов в Ташкенте 31 января 1942 г. // ВДИ. 2018. Т. 78/1. С. 88–112.

- Макаров Н.А. Институт археологии: прошлое и настоящее // Институт археологии Российской академии наук / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2007. С. 6–13.
- Платонова Н.И. Институт истории материальной культуры в годы Великой Отечественной войны // Материалы конференции “Археология и социальный прогресс”. Вып. I. М.: ИА АН СССР, 1991. С. 45–78.
- Платонова Н.И. М.И. Артамонов – директор ИИМК // Археологические вести. 1999. 6. С. 466–478.
- Платонова Н.И., Кирпичников А.Н. Сектор/отдел славяно-финской археологии ЛОИИ АН СССР – ИИМК РАН: исследования и исследователи // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2010. № 5. С. 7–71.
- Указатель материалов, опубликованный в “Вестнике древней истории” в 1937–2012 гг. / Отв. ред. С.Ю. Сапрыкин. М.: ИВИ РАН, 2012. 340 с.
- Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. 2-е изд., доп. М.: Знак, 2006. 344 с.

MOSCOW BRANCH OF THE INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE, SUMMER OF 1941 – WINTER OF 1941/42

Sergey G. Karpyuk

Institute of World History RAS, Moscow; RSUH, Moscow

E-mail: oxlos@yandex.ru

Based on materials from the Archives of the RAS, the author proposes his overview of the activities of Moscow Branch of the Institute for the History of Material Culture in a crucial period (summer of 1941 – winter of 1941/42), as well as the relations between Moscow archaeologists and the management of the Institute in Leningrad, which is shown by means of documents from the Archives of the RAS. In the late spring – early summer of 1941, the staff of the Moscow Branch of the Institute for the History of Material Culture raised the question of creating an independent Institute of Archaeology and Art Studies at the USSR Academy of Sciences. On June 11, 1941, the morning meeting of the Bureau of the History and Philosophy Department of the USSR Academy of Sciences was aboil with heated controversy; among the participants engaged was the Director of the Institute for the History of Material Culture M.I. Artamonov, who arrived from Leningrad, and Moscow archaeologists, among whom the leading role belonged to S.P. Tolstov. By the beginning of 1942, Moscow Branch of the Institute for the History of Material Culture did not only survive as a workable unit, but also became the only active subdivision of the Institute for the History of Material Culture. To a considerable extent, it should be credited to those staff members who remained in the besieged in Moscow, first of all, to V.N. Chernetsov. An important part was played by the participation of Moscow archaeologists in state supported projects on the description of archaeological sites destroyed by the Nazi, as well as historical and cultural monuments. The interrupted connection with the Directorate of the Institute was compensated by contacts with the Presidium of the USSR Academy of Sciences evacuated to Kazan. The “designing” of the autonomous Moscow Branch of the Institute for the History of Material Culture announced at the meeting of the History and Philosophy Department of the USSR Academy of Sciences on June 11, 1941, was postponed due to wartime, but in fact, until 1942 Moscow Branch the Institute for the History of Material Culture was working autonomously. In the period of weakening state control over academic science, the Moscow archaeologists’ initiative “from below” proved quite successful.

Keywords: the history of Soviet archaeology, Moscow Branch of the Institute for the History of Material Culture, S.P. Tolstov, V.N. Chernetsov.

REFERENCES

- Afiani V.Yu., Osipova N.M., 2010. The USSR Academy of Sciences during the first months of the war. *Istoricheskiye zapiski* [Historical notes], 13(131). Moscow: Nauka, pp. 3–27. (In Russ.)
- Dluzhnevskaya G.V., 2006. Activity of the Russian State Academy for the History of Material Culture – Institute for the History of Material Culture of the USSR Academy of Sciences in 1919–1940. *Ot Drevney Rusi do sovremennoy Rossii: sbornik nauchnykh statey v chest' 60-letiya A.Ya. Degtyareva* [From Rus to modern Russia: A Collection of academic papers to the 60th anniversary of A.Ya. Degtyarev]. A.O. Voronoyev, ed. St.Petersburg: Russkaya kollektsiya, pp. 347–371. (In Russ.)

- Formozov A.A., 2006. Russkiye arkheologi v period totalitarizma: Istoriograficheskiye ocherki [Russian archaeologists in the period of totalitarianism: Historiographic studies]. 2nd edition supplemented. Moscow: Znak. 344 p.
- Golubtsova E.S., 2000. Robert Yu. Vipser (1859–1954). *Portrety istorikov. Vremya i sud'by*, 2. *Vseobshchaya istoriya* [Portraits of historians. Time and fates, 2. World History]. G.N. Sevost'yanov, L.P. Marinovich, L.T. Mil'skaya, eds. Moscow; Iyerusalim: Gesharim, pp. 7–15. (In Russ.)
- Gulyayev V.I., 2000. Introduction. *Institut arkheologii: istoriya i sovremennost': sbornik nauchnykh biografiy* [Institute of Archaeology: Past and present: A Collection of academic biographies]. V.I. Gulyayev, ed. Moscow, pp. 3–20. (In Russ.)
- Karpyuk S.G., Kulishova O.V., 2018. Academician S.A. Zhebelev, last years: transcript of the Meeting of academic institutions in Tashkent on January 31, 1942. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], vol. 78, no. 1, pp. 88–112. (In Russ.)
- Makarov N.A., 2007. Institute of Archaeology: Past and present. *Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk* [Institute of Archaeology RAS]. N.A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 6–13. (In Russ.)
- Platonova N.I., 1991. Institute for the History of Material Culture during the Great Patriotic War. *Materialy konferentsii "Arkheologiya i sotsial'nyy progress"* [Proceedings of the Conference "Archaeology and social progress"] (1989 g.), iss. I. Moscow: IA AN SSSR, pp. 45–78. (In Russ.)
- Platonova N.I., 1999. M.I. Artamonov – Director of the Institute for the History of Material Culture. *Arkheologicheskiye vesti* [Archaeological News], 6. St.Petersburg: IIMK RAN, pp. 466–478. (In Russ.)
- Platonova N.I., Kirpichnikov A.N., 2010. The Sector / Department of Slavic-Finnish Archaeology of Leningrad Branch of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences – the Institute for the History of Material Culture RAS: research and researchers. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury RAN* [Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS], 5, pp. 7–71. (In Russ.)
- Ukazatel' materialov, opublikovanny v "Vestnike drevney istorii" v 1937–2012 gg. [Index of materials, published in the Journal of ancient history in 1937–2012]. S.Yu. Saprykin, ed. Moscow: IVI RAN, 2012. 340 p.